

Евгений ЧЕРНИКОВ

ПРОСТАЯ НИТЬ

Евгений Владимирович Черников родился в 1985 году в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил философский факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Стихи публиковались в журналах «Арион», «Нижний Новгород», «Наши современники», «День и Ночь», «Алтай». Автор книг «Сквозь шум» (2011), «Беда» (2013), «Песочные часы» (2016). Член Союза писателей России. Живёт в Каменске-Уральском.

Мир состоит из маленьких вещей,
из пропасти занятных мелочей:

крупниц, песчинок, зёрнышек,
пылинок,
и росных капель, и тугих
былинок.

Из тех кровинок, что мой нос
пролил,
когда с соседом парту я делил.

Из юрких, будто ящерики, минут,
которые сквозь пальцы
прошмыгнут.

Вспоминаю до сих пор:
вышел маленький во двор —
и в глазах от солнца змейки,
а старухи на скамейке
деревенскую поют,
мне конфеты подают.

И у самой старой прялка
потемневшая в руках.

Мне старуху эту жалко —
нить выходит в узелках.

Кабы знать, что это значит,
кабы ведать наперёд,
почему окошко плачет
и картошка не цветёт!

...Врут проклятые приметы
и поэты тоже врут,
что России больше нету,
что старухи перемрут,
детство сладкое растает,
утечёт в мирской бардак...

Вьётся-вьётся нить простая
и не кончится никак.

Я видел забор, сколоченный
из дверей,
и каждая дверь казалась другой
старей:

вот эту при Брежневе пьяный
пинал ногой,
а та при Хрущёве вышла
недорогой.

А к этой прильнувши —
ну до чего тонка! —
при Сталине ждали каждую
ночь звонка.

За каждой кипели борщи,
и кипела страсть,
смеялись дети, и нечего было
красть.

А ныне стоят преградою на пути,
и ни в одну из них уже не войти.

Облетает яблоненый цвет.
Вянет одуванчиков букет,
спозаранку собранный
мальчишкой.

...А вчера про смерть попалося
в книжке —
как поверишь, если смерти нет?
Если на дворе — звенящий
полдень,

а в плетёнке — банка молока,
если дед тебя на плечи поднял,
и хохочешь прямо в облака!
Если бабушка сварила кашу
и в окошко кличет на обед,
а на лето вновь приедет Маша?..
Облетает яблоненый цвет.

Проснулся, и сердце болит,
не за себя — за других,
и плачу, не зная молитв,
и ветер в деревьях тугих,
и снегом засыпан двор
по самое не могу,
и кровенеет ворд,
когда по нему бегу.
Жена и сынишка спят,
не помня своих обид,
и ангелы их хранят.
О чём же сердце скулит?..

Сентября печальное тепло
через край небесный потекло,
и живу, согретый только им —
неземным дыханием Твоим.
Однодневкой-бабочкой
кружусь —
ни на что я больше не гожусь.

Принимаю как последний дар
слова настоявшийся нектар,
и гудит хмельная голова...

А наутро — снег и минус два.

Собирали с бабушкой цветы,
проводжали солнце золотое —
эта память дорогого стоит:
посреди житейской темноты
осторожным лучиком ведёт,
не даёт душе осатаниться;
как же страшно, если пропадёт
бытия начальная страница!..

— Часики, — гвоздику назвала
и кипрей Иваном окрестила.
На руки, сердечная, взяла.
Ласточкой на волю отпустила.

Холодную вишню снимаю,
сминаю сухое былё,
и ветка маячит немая:
кончается лето твоё.

Такое в саду запустенье,
что впору сказать: забытьё;
и клонятся долу растения:
отмерено время твоё.

Победою мнил поражение,
а правдой — слепое враньё,
но в блюде сияет варенье.
Не вечно и горе твоё.

Ходики, а рядом — календарь:
мишка забирается на ёлку.
Дедушка читает «Комсомолку».
Я пытаюсь одолеть букварь:

— Ива, искра, иволга, иголка...
Спрячу за диван —

и вся недолга!

Будущее — данность, а не дар,
думал я. Исеть впадает в Волгу.

Не заметил — опустилась гиря,
и медведя сняли со стены...

И чужие люди в той квартире,
и на картах нет родной страны.

Вспоминаю свой весёлый дворик,
карусели вечное вращенье...
Не опишет ни один историк
родниковой тайны возвращенья.

Через годы — к солнечным
истокам,
к «ножичкам» и пряткам у сарая.
И соседи выглянут из окон,
будто их вернёт земля сырая.

В памяти, как в стёклышке
заветном,
зеленей трава и небо выше.
Тридцати с лишком —
четырёхлетним
я сегодня на прогулку вышел.

На подоконнике в солдатиков
играл:
то пленник был, то бравый
генерал.

Среди цветов — в тропическом
лесу —
в атаку шёл с винтовкой на весу

и падал под столетник, в мягкий
мох;
мгновенье — и живым подняться
мог.

А бабушка ворчала: — Не балуй!
Ужели мало места на полу?..

Меня оберегала — не стекло.
...Сто лет промчало, в землю
утекло,

и не вернуть невинной той поры:
мой друг в окошко вышел
из игры.

На Божьем подоконнике стою —
и радостно, и страшно на краю.

Дядя Женя был татарин,
плотник был и весельчак —
то свистулькою одарит,
то прокатит на плечах.

Жил за стенкой одиноко,
телевизор не включал,
своему чужому Богу
улыбался по ночам.

Дядя Женя был татарин,
не курил, не пил вина,
говорил: «Запомни, парень,
жизнь одна и смерть — одна».

...Ехал ночью в электричке,
в тамбур крикнули его —
он плохого по привычке
не подумал ничего.

Стихи к сыну

1.

Получил от Господа открытку:
сын растёт хорошим человеком,
миру улыбается открыто.

В нас поют одни и те же реки,
шелестят одни и те же травы —
музыка не кончится вовеки.

2.

Сынишку целуешь в темя,
в тугой комариный укус, —
и чувствуешь терпкий вкус:
вот так и целуют время.

Август

Настойку на меду
на липовом поставил,
снял яблоки в саду
и Спас на славу справил.

Сжал в поле полосу,
ручей подёрнул рябью,
аукался в лесу
тонюсенько, по-бабьи.

О красоте земной,
о времени текучем
заговорил со мной
на языке дремучем.

Морской берег,
как это и было обозначено
в путеводителе,

представлял собой кручу,
поросшую редкими пучками

травы.

Когда во время отлива
море отступило
и обнажило узкую полосу
шельфа,

мы спустились вниз,
к самой воде.

А высоко над нами
были заросли дикого орешника,
и благодатное небо
щедро дарило нас
вызревшим фундуком.
Я колол его
круглыми морскими камнями.
Ты смеялась.
Вода прибывала.

Вечерял на кухне в одного:
ни жены, ни друга — никого.
Лишь картошка со сковороды
за мои дневные за труды.
Лишь часов полуночный набат,
лампа-уголёк в пятнадцать ватт

да звезда, дрожащая в окне...
Неужели помнят обо мне?

Осенний покой — особый,
урвать бы ещё денёк!
Ржавеет в воде осока,
шиповника огонёк
горит — и по всем приметам
близятся холода...
Спешу надышаться светом
на зиму, навсегда.

Росно, ознобисто, дымно.
Мокрые пряди тенёт.
Солнце надкушенной дыней
над Монастыркой встаёт.

День предвещают погожий
взятые паром стога.
Осень, как замысел Божий,
вся — и чиста, и строга.

Смертная русская воля!
Зябко в юдоли земной.
Выйдешь в озимое поле —
плещут крыла за спиной.

